

Т. В. Чернышова

Барнаул, Россия

**ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕТОДЫ
АНАЛИЗА ТЕКСТА И ДИСКУРСА (РЕТРОСПЕКТИВА)**

В статье рассматриваются направления отечественных и зарубежных филологических исследований, сформировавшие теоретико-методологическую базу изучения медиатекстов; анализируются понятия и категории, формирующие методические основы анализа медиатекстов в русле коммуникативно-дискурсивной исследовательской парадигмы.

Ключевые слова: медиакоммуникация, дискурс, текст, контекст, метод исследования.

Сведения об авторе: Чернышова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, литературы и речевой коммуникации Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, к. 413-а. E-mail: labrlexis@mail.ru.

T. V. Chernyshova

Barnaul, Russia

**PHILOLOGICAL RESEARCH OF MEDIA:
THEORETICAL-METHODOLOGICAL PRECONDITIONS AND ANALYSIS
METHODS OF TEXT AND DISCOURSE (RETROSPECTIVE)**

The article is dedicated to direction of Russian and foreign philological research that formed the theoretical and methodological basis of the study of media texts, and explores the concepts and category, which form methodological framework for the analysis of media texts in line with communicative discursive research paradigm.

Key words: media communication, discourse, text, context, method of research

About the author: Chernyshova Tatiana Vladimirovna, Ph.D., professor of philology, Head of the of the Chair of Russian language, literature and speech communication of Altai State University. 656049, Barnaul, Dimitrova st., 66. ASU, room 413-A.

Язык СМИ, ставший в начале XXI века объектом междисциплинарного исследования [Язык и дискурс... 2011], в последнее

время привлекает пристальное внимание отечественных лингвистов, работающих в разных лингвистических парадигмах – теории речевой коммуникации, когнитивной лингвистики, теории дискурса, теории речевого воздействия, лингвоконфликтологии и др., не говоря уже о таких традиционных направлениях лингвистики, как функциональная стилистика и стилистика текста, в центре внимания которых всегда находился этот изменчивый и многоаспектный объект исследования. Основы новых направлений отечественной лингвистики – медиалингвистики и медиастилистики, заложенные в трудах известных отечественных лингвистов: Г. О. Винокура, М. Н. Кожинной, В. Г. Костомарова, Л. М. Майдановой, К. А. Роговой, О. Б. Сиротининой, Г. Я. Солганика и др., развиваются в трудах современных исследователей языка СМИ.

О результатах развития можно судить по итогам нескольких крупных научных событий прошедших лет, среди которых Первая и Вторая международные научные конференции, посвященные актуальным проблемам стилистики, – «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах», организованные кафедрой стилистики факультета журналистики МГУ им М. В. Ломоносова (2009, 2012 гг.). Это ставший уже традиционным Международный научно-практический семинар «Речевая коммуникация в средствах массовой информации», организуемый кафедрой речевой коммуникации института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (2012, 2013) [Дускаева 2012; Медиатекст как полиинтенциональная система 2012; Стилистика как речеведение 2013 и др.]. Об активном развитии нового исследовательского направления в изучении отечественных СМИ свидетельствует и открытие в Санкт-Петербурге сайта «Медиалингвистика – XXI век» (<http://rus.jf.spbu.ru/medialingvistika/>, гл. редактор – зав. кафедрой журналистики СПбГУ проф. Л. Р. Дускаева).

Давая характеристику отличительным парадигмальным чертам современной лингвистики, Е. С. Кубрякова называет, наряду с экспансионизмом и антропоцентризмом, функционализм (неофункционализм) «как такой подход в науке, когда центральной ее проблемой становится исследование функций изучаемого объекта, вопрос о его назначении, особенностях его природы в свете выполняемых им задач, его приспособленность к их выполнению и т.д.» [Кубрякова 1995: 218] и экспланаторность как стремление современной лингвистики найти объяснение «и внутренней организации языка, и его отдельным модулям, и архитектонике текстов, и реальному осуществлению дискурса, и порождению и пониманию речи и т.п.» [Там же: 222].

Очевидно, что и филологический анализ в целом и анализ, направленный на изучения текстов медиакоммуникации – в частности, на современном этапе развития науки о языке вбирает в себя несколько составляющих, среди которых 1) лингвистический анализ, включающие синхронное и диахронное описание языка; 2) филологический анализ в узком смысле, объединяющий разнообразные методы и приемы филологического анализа художественного и публицистического текста в аспекте универсальных категорий и в пространстве функциональных стилей русской речи; с историческим, культурологическим, стилистическим комментированием; с технологией декодирования текста; анализом, направленным на прочтение текста как содержательной и модальной целостности, установление интертекстуальных связей (см. об этом: [Купина, Николина 2011]); 3) риторический анализ – анализ продуктов речевой коммуникации «как взаимодействия людей в знаковой форме, направленного на конструирования человеком собственного мира, мира Другого, мира социума во всех его проявлениях» [Основы общей риторики 2013: 9]; 4) стилистический анализ текста, который, по авторитетному мнению М. Н. Кожинной, высказанному в публикациях в 70-

90-х гг., требует от исследователя как лингвистических знаний, так и учета «ситуации общения и целого ряда экстралингвистических факторов, вплоть до широкого социокультурного контекста, в котором протекает познавательная коммуникативная деятельность (как реализация речевой деятельности)» [Кожина 2002: 21-22].

Рассмотрим некоторые направления лингвистики, которые, как представляется, определяют становление теоретико-методологической и методической базы исследования текстов современной медиалингвистики.

Возможность разного подхода к анализу текста в зависимости от того, является ли предметом наблюдения исследователя грамматическая или коммуникативная составляющие текста (грамматический и речедетельностный подходы), представлена в исследовании И. П. Сусова. Согласно мнению исследователя, если в первом случае текст выступает как частный объект грамматики, предполагающей изучение его как сложного целого, которое строится из множества специально отбираемых и соответственно организованных языковых единиц, при явном предпочтении синтаксиса текста, то коммуникативно-функциональный подход предполагает «изучение текстов со стороны их функционирования, точнее – использования в речевых и – шире – социальных ситуациях» [Сусов 1979: 90-95].

Коммуникативный аспект исследования языка современных СМИ, безусловно, актуален. Современные требования к функционированию языка СМИ вытекают из общих подходов к тексту как цели, продукту и результату речевой коммуникации. Текст рассматривается как продукт речевой деятельности, в ходе которой достигается планируемый адресантом эффект и цель коммуникации. С середины XX столетия изучение текстов «со стороны их использования в социально-речевых ситуациях» все чаще проводится в парадигме анализа дискурса.

Основные подходы в рамках коммуникативного моделирования дискурса связаны главным образом с обобщенным представлением о структуре его концептуальной организации. Она рассматривается в качестве механизма организации наших знаний об окружающем мире, их упорядочения и систематизации, регулирования нашего поведения в определенных ситуациях (в процессе труда, отдыха, игры, ритуала и т.д.), создания социальной ориентации участников коммуникации, функционирования основных компонентов дискурса в адекватной интерпретации информации и поведении людей. Здесь познавательный аспект дискурсивных практик смыкается с прагматическим аспектом, где важную роль играют социальные условия взаимодействия коммуникантов. Социолингвистический и лингвокультурологический аспекты дискурса разрабатываются в исследованиях В. И. Карасика [Карасик 2009].

Представляется, что весомый вклад в развитие коммуникативно-дискурсивного подхода внесли исследования, посвященные разработке проблем прикладной лингвистики (процессуального подхода) и теории речевых актов.

Теория речевых актов, сформулированная в трудах Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля, Г. Г. Кларка и Т. Б. Карлсона, Дж. Аллена и Р. Перро и других [Новое в зарубежной лингвистике 1986] и продолженная в исследованиях современных лингвистов (А. Вежбицка, М. Я. Гловинская, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев и др.), «уловила и раскрыла какой-то важный аспект речевой деятельности, не получивший в других деятельностных концепциях должного освещения» [Кобозева 1986: 10]. Признание минимальной единицей человеческой коммуникации не языковых выражений, а осуществляемых посредством их действий привело ученых к мысли, что действительным предметом рассмотрения являются не язык и не текст сам по себе, а контекст употребления языка с учетом как предшествующих, так и последующих речевых актов [Павиленис 1986: 380-381]. Например, в современной лингвоэкспертной

практике лингвисты-эксперты часто прибегают к моделированию на основе спорных текстов речевых актов оскорбления, угрозы, призыва и т. п. с использованием «семантических примитивов», предложенных А. Вежбицкой [Вежбицка 2007: 68-80], что позволяет достаточно точно определить цель сообщения и авторскую интенцию [Бринев 2013].

Процессуальный подход находит обоснование в трудах специалистов в области прикладной лингвистики 70-х гг. XX в. У. Чейфа, Ч. Филлмора, Г. Скрэгга, Р. Шенка, М. Лебовица, Л. Бирнбаума, Т. Винограда и др. Так, американский лингвист У. Чейф, выделяя три типа вербализации (т. е. трансформации ситуации внешнего мира в языковой текст), особо подчеркивает необходимость изучения процессов, связанных с оценкой говорящим интеллектуальных и рабочих возможностей адресата в пределах конкретного контекста речи. Важным является указание У. Чейфа на интерпретирующий характер обоих процессов – вербализации и восприятия: «...информация, поступающая через восприятие в сознание, а затем в память, является не точной копией исходного стимула, но его интерпретацией» [Чейф 1983: 40]. Данное обстоятельство отмечает Т. Виноград, указывая, что в ходе понимания совершается некоторый интерпретирующий процесс: «...говорящий может делать выбор определителей на основе заключений о процессах, которые использует слушатель при интерпретации данной фразы, а слушающий может основывать свою интерпретацию на умозаклчениях относительно состояния и деятельности говорящего» [Виноград 1983: 151].

Указанные положения процессуального подхода оказываются весьма продуктивными при изучении коммуникативного взаимодействия автора и адресата в сфере массовой коммуникации, которая в современных условиях прежде всего нацелена на установление контакта со «своим» читателем, а особенности этого контакта определяются не столько сходством референциальным (т. е. соответствием концептуальных сущностей говорящего и слушающего одному и тому же объекту

реального мира), сколько поиском в тексте общностей атрибутивных употреблений в концептуальных моделях говорящего и слушающего. Главной же проблемой при объяснении явлений, связанных с атрибутивной референцией, сторонники процессуального подхода считают не установление условий их истинности по отношению к внешнему миру, а соответствие «между концептуальными сущностями в умах говорящего и слушающего» [Виноград 1983: 153-154]. Отсюда – особый интерес к таким понятиям, как контекст [Виноград 1983], фокус внимания [Чейф 1983; Виноград 1983, и др.], ожидания, интерес [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум 1983, и др.].

Занимаясь разработкой интегральных понимающих систем, ученые приходят к выводу, что процесс и результат восприятия текста во многом обусловлены читательскими ожиданиями и интересом. Особенно это касается чтения газет: «...имея дело с такими средствами информации, как газеты, люди не осуществляют детальной обработки, но все же в состоянии извлечь огромное большинство сведений, интересующих их» [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум 1983: 411-412].

С позиций процессуального подхода первостепенное значение также имеет контекст, формулируемый в терминах когнитивных структур (а не языковой текст или ситуация общения), который косвенно, через посредство моделей говорящего и слушающего, включает лингвистический, социальный и прагматический модели контекста [Виноград 1983: 139-157]. Таким образом, для декодирования высказывания, выступающего в виде «упаковки» (У. Чейф), адресату недостаточно только знания о языке, ему необходимы также знания о мире, социальном контексте высказываний, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом и т. д.

Данные представления, направленные на изучение знаний, используемых в ходе языкового общения, начиная с 70-х гг. XX в.

составили одно из ведущих направлений когнитивной науки о языке, целью которого является «объяснение механизма обработки естественного языка, построение модели его понимания», а в частные задачи входит изучение целого ряда компонентов «базы знаний» – как языковых (грамматика, употребление языка, принципы речевого общения), так и внеязыковых (контекст и ситуация, общефоновые знания – знания о мире, о событиях, состояниях, действиях и процессах и т.д.), в том числе и знаний об адресате: о его целях и планах, его представлениях о говорящем и об окружающей обстановке и т. п. [Герасимов, Петров 1988: 6-7].

В начале 70-х гг. XX в. возрастает интерес исследователей к социальному контексту функционирования языка, что приводит к использованию данных дискурса и к созданию первых вариантов когнитивной модели понимания – в частности «модели ситуаций», предложенной Т. А. ван Дейком и представляющей собой основной тип репрезентации знаний, в основе которых лежат личностные знания носителей языка, аккумулирующие их личный предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции [Т. ван Дейк 1989]. Т. ван Дейк и В. Кинч полагали, что восприятие и понимание каких-либо событий, а также связанных текстов, содержащих рассказ о происшествии, происходят в конкретных ситуациях, в рамках широкого социокультурного контекста, причем понимающий располагает тремя видами данных: информацией о самих событиях, информацией о ситуациях или контексте и информацией о когнитивных пресуппозициях [ван Дейк, Кинч 1988: 158-159]. В прагматические основания модели обработки вводятся намерения и интенции, присущие дискурсу, а слушатель оценивает дискурс с точки зрения его предназначенности для выполнения определенных прагматических функций, т.е. интерпретация значения и функции рассказа о происшествии будут различными в зависимости от ситуационного основания когнитивной обработки дискурса: «В качестве пресуппозиций

оно может включать общие нормы и ценности, установки и условности, относящиеся к участникам и возможностям взаимодействия в определенной ситуации» [ван Дейк, Кинч 1988: 160].

Такие функциональные основания описываемой исследователями когнитивной модели понимания текста позволяют интерпретировать понимание не просто как пассивное конструирование репрезентации языкового объекта, а как часть интерактивного процесса, «в котором слушатель активно интерпретирует действия говорящего» [ван Дейк, Кинч 1988: 161], пытаясь реконструировать не только предполагаемое значение текста, но и то, которое наиболее релевантно «с точки зрения его интересов и целей» [Там же: 164]. С другой стороны, главную задачу говорящего в рассматриваемом аспекте исследователи видят в том, чтобы создать семантический план текста, «состоящий из элементов общего знания и в особенности из элементов ситуационной модели (включая модель слушающего и его знания, мотивации, прошлые действия и намерения – и коммуникативный контекст)» [ван Дейк, Кинч 1988: 169].

Исследование факторов адресата и автора публицистического текста издавна является приоритетным направлением отечественной стилистики. По замечанию Г. Я. Солганика, важнейшими качествами любой речи, вытекающими из сущности речевого акта, являются персонализированность, адресованность, индивидуальность и типизированность речи [Солганик 2010: 8-10]. В русле данного направления рассматриваются интерпретация адресатом замысла автора, «образ автора» и «образ адресата» СМИ, что коррелирует с традицией исследования образа автора, поэтики художественного текста в литературоведческой стилистике, связанной с именами В. В. Виноградова, Ю. М. Лотмана, Р. О. Jakobsona, Д. С. Лихачева. Традиции, заложенные выдающимися лингвистами и литературоведами, развиваются и в теории речевой коммуникации, стилистический аспект которой связан, с одной стороны, с понятием «глобальной стилистики» как науки о наиболее

общем в характере объектов исследования из области творческой деятельности человеческого общества, при котором стиль характеризуется как целенаправленная и осознанная деятельность, обусловленная «целесообразностью построения именно такой системы с точки зрения назначения соответствующего предмета» [Кожина 1974: 274]. С другой стороны, стилистический подход к теории речевой коммуникации проявляется в речеведческом аспекте стилистики, в стилистике речи, или функциональной стилистике, исследующей закономерности функционирования языковых средств в разных сферах общения в зависимости от потребностей коммуникации и выполняемых специфических функций, ср.: «Связь функциональной стилистики с теорией речевой деятельности диктуется тем, что стилистические качества речи формируются под влиянием совокупности многообразных внелингвистических факторов – социальных, ситуативных и других, тем, что формирование стиля связано с определенной целевой установкой общения, обусловленной в конечном счете видом деятельности» [Кожина, 1974: 277-178] .

В трудах исследователей французской школы дискурса (П. Серио, Ж. Деррида, М. Фуко и др.), с одной стороны, сформировалось отношение к тексту как продукту, произведенному в неких институциональных рамках, накладывающих ограничения на акты высказывания, «наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [Квадратура смысла 1999: 27], а с другой, – к субъекту высказывания как категории дискурса, ср.: «Говорящий во время акта говорения присваивает себе формы, которыми располагает его родной язык и соотносит эти формы с собственным лицом, определяя самого себя (как «я») и своего собеседника (как «ты»)» [Квадратура смысла 1999: 15], что позволяет говорить о языке не только как средстве общения и средстве выражения мысли, но и как способе формирования лица. Исходя из этого, языковая (речевая) коммуникация определяется как «следствие основного

свойства языка: свойства формирования субъекта высказывания. Это свойство показывает способность говорящего конституироваться как субъект» [Квадратура смысла 1999: 15].

Полагаем, что краткий обзор позволяет сформулировать основные подходы к медиатексту в рамках коммуникативно-дискурсивного исследования. Базовыми единицами анализа с позиций данного подхода выступают три – текст, дискурс и коммуникативный контекст, позволяющие объединить текст и дискурс в единое целое.

1. Текст с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода предстает как коммуникативное событие, удовлетворяющее следующим условиям:

а) внутритекстовые критерии (подходы сориентированы на «лингвистику текста»): связность, целостность (подходы сориентированы на «лингвистику текста»);

б) внешнетекстовые критерии (подходы сориентированы на дискурс-анализ): интенциональность, приемлемость, информативность как субъективные факторы и ситуационность; интертекстуальность как факторы объективные (Р. де Богранд и В. Дресслер, цит. по: [Тичер, Мейер, Водак 2009: 39-42]).

Подходы к тексту как объекту анализа в целом («текст как текст» и «текст как репрезентация») могут быть представлены следующим образом:

(1) Тексты сами по себе могут быть объектом исследования без установления их связи с объективной реальностью – интересны особенности текста как таковые.

(2) Тексты как высказывания, как компоненты коммуникации, на основе анализа которых формулируются утверждения о группе лиц – авторов этих текстов, т.е. тексты – показатели феноменов, в которых люди выступают носителями определенных качеств. Изучение текстов в указанном аспекте предполагает использование экспериментальных методик исследования. Роль лингвистического эксперимента как

инструмента исследования языкового материала обосновывается в трудах Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, А. Мустайоки, К. Я. Сигала и др.

(3) Тексты как явная рефлексия в коммуникации, элемент «помощи» и индикатор, который позволяет анализировать коммуникацию (или коммуникативную ситуацию), зафиксированную в данной форме [Тичер, Мейер, Водак 2009: 56].

Таким образом, группы методов, объединенных по принципу отношения к анализу отдельных высказываний как текстов в рамках дискурсивного подхода, можно, вслед за А. Я. Сарна, распределить на три группы в зависимости от того, какой из аспектов текста находится в центре внимания исследователя:

1) текстуальный подход как сознательно ограничивающий свои исследовательские интересы рамками одного отдельно взятого текста как изолированного, автономного речевого образования; единицы анализа: слово, предложение, фраза, фрагмент текста или весь текст в целом;

2) интер- или гипертекстуальный подход, пытающийся выявить и проанализировать смысловые взаимосвязи (цитаты, ссылки, аллюзии, реминисценции) между самыми различными текстами;

3) контекстуальный подход, рассматривающий любое высказывание (текст) как продукт деятельности социальных агентов, всегда включенных в социальные взаимодействия и структуры, конкретную политическую и культурно-историческую ситуацию [Сарна 2003].

Очевидно, что коммуникативно-дискурсивная парадигма исследования текстов наиболее тесно соприкасается с группой методов, обслуживающих с позиций контекстуального подхода.

Дискурс с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода трактуется как текст в контексте и как событие [Тичер, Мейер, Водак 2009: 48]. Дискурсивные особенности текстов разной стилистической направленности в настоящее время являются объектом изучения большой

группы лингвистов как в России, так и за ее пределами. Особое внимание уделяется изучению сферы публичных коммуникаций (М. Н. Володина, Т. Г. Добросклонская, Л. Р. Дускаева, М. Ю. Казак, Н. И. Клушина, В. И. Коньков, Т. И. Краснова, Е. С. Кара-Мурза, Г. Я. Солганик и др.) в широком смысле ее толкования как сферы, которую можно охарактеризовать как «определенное пространство, в котором различные социальные системы, правительство, партии, профсоюзы, масс-медиа ведут общественную дискуссию и могут вступать в определенную оппозицию по отношению друг к другу» [Кривоносов 2002: 21-22]. Например, одно из направлений исследования посвящено описанию когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в сфере политико-идеологических общественных отношений (сфере массовой коммуникации) в рамках детерминационного подхода и опирается на систему взаимодействующих понятий, организованных по принципу оппозиции, один из членов которой представляет собой «языковляемое» явление внешнего мира. Для описания такого взаимодействия предлагается методика комплексного лингвистического анализа [Чернышова 2005: гл. 3; Печетова 2012 и др.].

Итак, с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода актуальными представляются следующие положения:

1. Текст рассматривается как область активного лингвокогнитивного взаимодействия автора и адресата, при котором адресат выступает как активный заинтересованный субъект коммуникации.

2. Основной единицей, способствующей интерпретации смысла текста в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода, является коммуникативный контекст как контекст коммуникативной речевой ситуации («опора на частные контексты, вербальные и невербальные для формирования и выражения /равно и восприятия/ смысла речи») (В. Я. Мыркин).

3. Изучение дискурса предполагает прежде всего учет экстралингвистических факторов, в перечень которых, входят:

а) коммуникативный контекст, в котором интерпретируется воспринимаемый дискурс;

б) субъекты коммуникации в (дискурсивные личности);

в) глобальная информация:

– о типе коммуникативной ситуации;

– свойствах участников коммуникации, их целях и интересах, активизирующих в памяти частные ситуационные модели;

– жанре речевого сообщения и т.п.

4. Экстралингвистические факторы обуславливают отбор языко-стилевых единиц, соответствующих ситуации общения, характеру речевого поведения, принятого в изучаемой сфере деятельности, коммуникативному заданию говорящего (пишущего) и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бринев К. И.* Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2013.

2. *Вежбицка А.* Речевые жанры в свете теории элементарных смысловых единиц // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 68-80.

3. *Виноград Т. К.* процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983. С. 123-170.

4. *Герасимов В. И., Петров В. В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М., 1988. С. 8-12.

5. *Дейк ван Т. А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М., 1988. С. 153-211.

6. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ. М., 1989.

7. *Дускаева Л. Р.* Стилистика медиатекста. Избранные статьи 2010-2012 гг. СПб., 2012.

8. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 270-299, 423-228.

9. *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса.* М., 1999.
10. *Кобозева И. М.* «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов / отв. ред. Б. Ю. Городецкий. Вып. XVII. М., 1986. С. 3-12.
11. *Кожина М. Н.* Стилистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М, 1974. С. 274-285.
12. *Кожина М. Н.* Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории: избр. труды. Пермь, 2002.
13. *Кривоносов А. Д.* PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2002.
14. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 208-227.
15. *Купина Н. А., Николина Н. А.* Филологический анализ художественного текста: практикум. М., 2011.
16. *Медиатекст* как полиинтенциональная система: сборник статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб., 2012.
17. *Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов* / отв. ред. Б. Ю. Городецкий. Вып. XVII. М., 1986.
18. *Павленис Р. И.* Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов / отв. ред. Б. Ю. Городецкий. Вып. XVII. М, 1986. С. 381-388.
19. *Печетова Н. Ю.* Стилеобразующие факторы репрезентации события в региональных газетно-публицистических текстах (на материале газет республики Саха). Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012.
20. *Сарна А. Я.* Анализ дискурса (дискурс-анализ) // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов и др. М., 2003. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/568/>
21. *Солганик Г. Я.* Основы лингвистики речи: учебное пособие. М., 2010.
22. *Стилистика* как речеведение. Сборник научных трудов славянских стилистов, посвященный памяти М. Н. Кожиной / под ред. Л. Р. Дускаевой. М., 2013.
23. *Сусов И. П.* О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований: межвуз. тематич. сб. Калинин, 1979. С. 90-100.
24. *Тичер С., Мейер М., Водак Р.* и др. Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009.

25. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983. С. 35-74.
26. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата. Барнаул, 2005.
27. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. М., 2011.
28. *Handbook of Discourse Analysis: Discourse Analysis and Dialogue*. Vol. 3. London, 1985.

REFERENCES

1. Brinev K. I. *Handbook of Forensic linguistic expertise* [Spravochnik po sudebnoj lingvisticheskoj ekspertize]. Moscow, 2013.
2. Wierzbicka A. *Speech genres in the light of the theory of elementary semantic units* [Rechevye zhanry v svete teorii jelementarnyh smyslovyh edinic]. Antologija rechevyh zhanrov: povsednevnaia kommunikacija. – Anthology speech genres for casual communication. Moscow, 2007. P. 68-80.
3. Vinograd T. *To understand the procedural semantics* [K processual'nomu ponimaniju semantiki]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Prikladnaja lingvistika*. – New in Foreign Linguistics: Applied Linguistics. Is. XII. Moscow, 1983 . Pp. 123-170.
4. Gerasimov V. I., Petrov V. V. *Towards a cognitive model of language* [Na puti k kognitivnoj modeli jazyka]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Kognitivnye aspekty jazyka*. – New in foreign linguistics: Cognitive aspects of language. Is. XXIII. Moscow, 1988. Pp. 8-12.
5. Van Dijk T. A., Kinch B. *Strategies understanding connected text* [Strategii ponimaniia svjaznogo teksta]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Kognitivnye aspekty jazyka*. – New in foreign linguistics : Cognitive aspects of language. Is. XXIII. Moscow, 1988. Pp. 153-211.
6. Van Dijk T. A. *Language. Cognition. Communication* [Jazyk. Poznanie. Kommunikacija]. Moscow, 1989.
7. Duskaeva L. R. *Stylistics media text. Selected articles 2010-1012 gg.* [Stilistika mediateksta. Izbrannye stat'i 2010-1012 gg.]. St. Petersburg, 2012.
8. Karasik V. I. *Linguistic Circle: personality, concepts, discourse* [Jazykovoij krug: lichnost', koncepty, diskurs]. Volgograd, 2002. Pp. 270-299, 423-228.
9. Area sense: *French school of discourse analysis*. [Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa]. Moscow, 1999.

10. Kobozeva I. M. "*Theory of speech acts*" as one of the variants of the theory of speech activity [«Teorija rechevyh aktov» kak odin iz variantov teorii rechevoj dejatel'nosti]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Teorija rechevyh aktov. – New in foreign linguistics: theory of speech acts* / Ed. B. Gorodetsky. Is. XVII. Moscow, 1986. Pp. 3-12.
11. Kozhina M. N. *Stylistic problems in the theory of speech communication* [Stilisticheskie problemy teorii rechevoj kommunikacii]. *Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti. – Fundamentals of the theory of speech activity*. Moscow, 1974. Pp. 274-285.
12. Kozhina M. N. *Rechevedenie and functional stylistics* [Rechevedenie i funkcional'naja stilistika: voprosy teorii]. Perm, 2002.
13. Krivonosov A. D. *PR-text in the system of public communications*. [PR-tekst v sisteme publicnyh kommunikacij]. St. Petersburg, 2002.
14. Kubryakova E. S. *Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (the experience of paradigmatic analysis)* [Jevoljucija lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmatal'nogo analiza)]. *Jazyk i nauka konca 20 veka / pod red. Ju. S. Stepanova. – Language and science of the late 20th century / ed. S. Stepanov*. Moscow, 1995. Pp. 208-227.
15. Kupina N. A., Nikolina N. A. *Philological analysis of literary text* [Filologicheskij analiz hudozhestvennogo teksta: praktikum]. Moscow, 2011.
16. *Mediatext as polyintensional system: a collection of articles* [Mediatekst kak poliintencional'naja sistema]. Min. Ed. L. R. Duskaeva, N. S. Tsvetova. St. Petersburg, 2012.
17. *New in foreign linguistics: theory of speech acts* / [Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Teorija rechevyh aktov]. Ed. B. Gorodetsky. Is. XVII. Moscow, 1986.
18. Pavilenis R. I. *Understanding speech and language philosophy* [Ponimanie rechi i filosofija jazyka]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Teorija rechevyh aktov. – New in foreign linguistics: theory of speech acts* / Min. Ed. B. Gorodetsky. Is. XVII. Moscow, 1986. Pp. 381-388.
19. Pechetova N. Y. *Stylistic factors of representation events in regional newspapers and journalistic texts (on the basis of newspapers Sakha)* [Stileobrazujushhie faktory reprezentacii sobytija v regional'nyh gazetno-publicisticheskikh tekstah (na materiale gazet respubliki Saha). Dis. ... kand. filol. nauk]. Barnaul, 2012.
20. Sarna A. Y. *Discourse Analysis (Discourse Analysis)* [Analiz diskursa (diskurs-analiz)]. *Sociologija: jenciklopedija. – Social Science: Encyclopedia / comp. A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evelkin and others/* Moscow, 2003. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/568/>

21. Solganik G. Ya. Basics linguistics speech tutorial [Osnovy lingvistiki rechi: uchebnoe posobie]. Moscow, 2010.

22. *Stylistics as rechevedenie* [Stilistika kak rechevedenie]. Collection of scientific works of Slavic stylists commemoration M. N. Kozhina / ed. L. R. Duskaeva. Moscow, 2013.

23. Susov I. P. *On two ways of research content of the text* [O dvuh putjah issledovanija sodержanija teksta]. Znachenie i smysl rechevyh obrazovanij. – The value and meaning of speech formations. Kalinin, 1979. Pp. 90-100.

24. Ticher S., M. Meyer, R. Wodak and other. *Methods of text analysis and discourse* [Metody analiza teksta i diskursa]. Kharkiv, 2009.

25. Chafe W. *Memory and verbalization of past experience* [Pamjat' i verbalizacija proshlogo opyta]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Prikladnaja lingvistika. – New in Foreign Linguistics: Applied Linguistics. Is. XII. Moscow, 1983. Pp. 35-74.

26. Chernyshova T. V. *Media Texts in the mirror linguistic consciousness of the addressee* [Teksty SMI v zerkale jazykovogo soznaniya adresata]. Barnaul, 2005.

27. *Language and discourse of the media in the XXI century* [Jazyk i diskurs sredstv massovoj informacii v XXI veke]. ed. M. N. Volodina. Moscow, 2011.

28. Handbook of Discourse Analysis: *Discourse Analysis and Dialogue*. Vol. 3. London, 1985.

Опубликован в журнале: Медиалингвистика. Международный научный журнал. Вып. 1. / Электронный ресурс: Код доступа: <http://medialing.spbu.ru/part10/58.html> // file_1401308512_5698 (1)